

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭПИТЕТОВ

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

В статье дается обзор основных стратегий описания эпитета с точки зрения когнитивного подхода. Автор подчеркивает значимость когнитивного анализа атрибутивных сочетаний с опорой на теорию блендинга. При описании метафорических эпитетов значимой оказывается их метонимическая основа, так что многие эпитеты именуется метафтонимическими. Анализ языкового материала опирается на тексты М. Цветаевой. Обращение поэта к базовым понятиям и осмысление действительности посредством апелляции к человеку как к основному концепту позволяет говорить о продуктивности употребления блендированных эпитетов.

***Ключевые слова:** эпитет, метафора, Марина Цветаева, метонимия, когнитивная лингвистика, концептосфера, слот, смысл, блендинг.*

Эпитет как ключевое средство создания образности художественного текста становится объектом лингвистического анализа в рамках когнитивной поэтики; все больше внимания уделяется его метафорическим и когнитивным механизмам образования, а не только функционированию в конкретном тексте или типе дискурса [Голубина 1998, Кубаева 2008]. Мотивы и интенции переноса, подчас затемненные и неочевидные, выдвигаются на первый план при анализе того или иного образа, вербализованного атрибутивной конструкцией. Метафоричность и неординарность авторского образа, воплощенного эпитетным рядом или простым эпитетом, имеет глубокие когнитивные корни, изучение которых дает представление о метафорической логике переноса в языке, речи и идиолексиконе писателя.

Трактовка любого определения в художественном контексте в качестве эпитета должна базироваться не просто на утверждении о том, что в данном контексте нарушена лексико-семантическая сочетаемость и налицо семантический сдвиг, а на признании необходимости рассмотрения данного явления сквозь призму лингвокогнитивного подхода. Возникновение приращений смысла в семантике эпитета или атрибутивного сочетания в целом обусловлено логикой, когницией автора текста, вот почему, на наш взгляд, не совсем удачны закрепившиеся в

лингвопоэтике и стилистике текста такие термины, как «потенциальный эпитет», «окказиональный эпитет» или «оксюморонный эпитет». Безусловно, такие дефиниции применимы, с одной стороны, к общеупотребительным эпитетам-определениям, в семантике которых происходит контекстуальное приращение смысла и, с другой стороны, к таким эпитетам, которые конструируются в тексте заново или налицо явное семантическое обновление. Но данный традиционный стилистический взгляд на проблему природы эпитета не способен пролить свет на главный вопрос – каковы когнитивные механизмы возникновения таких эпитетов; при таком ракурсе становится понятным, что и потенциальные, почти логические определения, и окказиональные, индивидуально-авторские эпитеты объединяет логика их появления, что все семы могут быть объединены вокруг общего концептуального поля, и тогда не требуется дополнительных аргументов в доказательство того, что то или иное слово является эпитетом.

Подход, при котором языковые явления рассматриваются не только как часть того или иного контекста, но и изучаются с точки зрения механизмов их возникновения и функционирования, получил название когнитивного.

Базовым понятием когнитивной лингвистики является понятие *концепта* как ментальной единицы, способной передавать как конкретное, так и абстрактное содержание в вербализованной форме и имеющей, как правило, лингвокультурную специфику. Концепт есть сложное ментально-вербальное образование, которое имеет множественную вербализацию и различные механизмы образования [Глушкова 2000, Губанов 2009, 2014, 2014а]. Концепты могут быть калейдоскопическими, лингвокультурологическими, понятийными и так далее. Обратимся к рассмотрению эпитета с точки зрения его роли в процессе метафоризации и метонимизации в художественном тексте.

Метафорическая модель имеет эвристическую силу в когнитивной лингвистике, поскольку описывает механизм соотнесения признаков сферы источника и сферы цели. Изучение метафорических моделей и концептов ведется в русле когнитивистики и лингвокультурологии. Теория регулярной многозначности и языкового варьирования, укрепившаяся в стилистике и поэтике, также соприкасается с данным направлением в языкознании [Кубаева 2008]. Когнитивная лингвистика давно получила статус «глубинной семантики» (в продолжение теории Н. Хомского), что отчасти верно, поскольку именно механизмы образования смыслов, скрытые на первый взгляд, становятся основным предметом научного анализа. Среди направлений когнитивной лингвистики наиболее развита на сегодняшний момент когнитивная семантика, так как именно в значении слова получается четче проследить все языковые и когнитивные процессы трансформаций смыслов.

Базовые концепты поэтической картины мира писателя, постулат о центральном положении которых делается на основе критериев коммуникативной, смысловой и эстетической значимости их ключевых слов, образуют индивидуально-авторскую концептосферу, отражающую эстетическое мировидение художника слова, тематическое, идейное и жанровое своеобразие его творчества [Куксина 2008, Маниева 2007, Фадеева 2014].

Такие концепты вербализуются самыми различными языковыми средствами: метафорами, метонимиями, сравнениями, эпитетами. Эпитеты вовлекаются в механизмы образного осмысления реального мира художником слова, они переплетаются, вплетаются в метафоры и метонимии (отсюда использование таких терминов, как «метафорический эпитет» или «метонимический эпитет»), что актуализирует вопрос об их роли в картировании идиолектной модели мира писателя.

Исследование моделей и способов переноса эпитета в рамках когнитивного направления лингвопоэтики началось с работ К.В. Голубиной, которая предложила говорить о метафорических, метонимических и метафтонимических эпитетах. Метафорические эпитеты образованы на основе аналогии по критерию оценки, сходству с иным концептом, построены на контрасте концептов (*ужасная красота, восхищенный трепет*). Метонимические эпитеты строятся на столкновении нетипичных признаков активного деятеля в рамках «подслота «человек» (*испуганный ужас, отчаявшаяся печаль*). Что касается метафтонимических эпитетов, то суть их состоит в «актуализации части ментального пространства, представленной в определяемом (метонимия), и ее переструктурировании в соответствии с набором признаков определяющего, который в свою очередь тоже подвергается трансформации (метафора) (*имперски-зеленые глаза*)» [Голубина 1998: 15–16]. Для последнего типа эпитета отличительной чертой выступает наложение признаков в рамках сходных слотов (ментальных сфер, чаще всего, это человек) и возникновение эффекта градации признака.

Сложность отнесения эпитетов к тому или иному типу обусловлена недостаточно четкими границами между метафорической и метонимической логиками осмысления механизмов их образования, а в последующем и интерпретации.

Ф.Р. Кубаева настаивает на идентификации эпитета и определяемого им объекта как двухкомпонентного атрибутивно-именного сочетания, в рамках которого данный перенесенный эпитет есть «сочетание атрибута с существительным, образующим на основе концептуального блендинга экспрессивную единицу, создающую стилистическое выдвигание» (например, *усталая улыбка*) [Кубаева 2008: 78]. Данная когнитивная трактовка природы перенесенного эпитета (в традиционной поэтике и

стилистике, перед нами синтаксический подход к трактовке природы стилистического эффекта от употребления образного эпитета) основывается на признании существования близких, смежных (наверняка метонимических) признаков, относящихся к одной ментальной сфере (чаще всего, это сфера человека) и их наложении, блендинге, в результате чего в полученном образном определении можно обнаружить следы обеих концептуальных сфер. Исследователь вновь подчеркивает тот факт, что такого рода когнитивный блендинг приводит к образованию гибридного типа эпитета – метафтонимического.

Обращение именно к творчеству М. Цветаевой обусловлено употреблением поэтом богатой атрибутивной лексики образного типа, а также, на первый взгляд, эпитетов общеупотребительных, но таящих в себе дополнительные образные смыслы. В данной работе дается попытка показать значимость когнитивного описания эпитета в идиолекте М. Цветаевой, поскольку именно такой подход проливает свет на авторскую технику работы с атрибутивной лексикой; кроме того, подчеркивается неоднозначность метафорического, метонимического осмысления анализируемых эпитетов и, исходя из этого, уточняется понятие метафтонимии применительно к эпитетным словам.

За последние годы появились работы, посвящённые рассмотрению центральных для творчества М.И. Цветаевой смыслов, ключевых слов, концептов. Из базовых понятий и смыслов текстов автора слагается его языковая картина мира. Для М.И. Цветаевой такими концептами являются «Душа» [Губанов 2009], «Деревья» [Черных 2003, Четверикова 2008] и некоторые другие, – число их у разных исследователей различное (от нескольких до десятка, в том числе «Верста», «Бузина», «Рябина», «Дом», «Москва» и другие). Основным критерием при их выделении и описании для исследователей выступает их концептуальная значимость для мировосприятия М.И. Цветаевой, их частотность, наличие одноименных стихотворений и циклов стихов. Не менее важным критерием определения «базовости» концепта, на наш взгляд, являются и способы его вербализации, участие в выражении центральных авторских смыслов в аспекте когнитивного картирования индивидуальной художественной модели мира.

Вес и значимость атрибутивной лексики в вербализации базовых смыслов поэта не вызывает сомнений. Особенностью работы М. Цветаевой с подобной лексикой является использование, выражаясь терминами когнитивной теории эпитета, блендированных конструкций с неизменным наложением слотов внутри ментальной модели «человек». Данный факт обусловлен установкой автора на изображение внутреннего мира человека, на эксплицитное эмоциональное повествование, создание ярких и неожиданных образов, игру на созвучиях слов, паронимической аттракции.

Проанализированный материал – 2450 атрибутивных сочетаний, употребленных в текстах М. Цветаевой, – позволяет говорить о некоторых тенденциях в употреблении эпитетной лексики и логике их конструирования.

Большинство зафиксированных нами примеров употребления перенесенных эпитетов строится на *метонимической логике образования* с последующим возникновением *метафорического эффекта от интерпретации* и употребления атрибутивного сочетания (таких примеров в рамках концептуальной сферы «человек» было зафиксировано 1648).

Выделим некоторые типичные случаи употребления блендированного метафтонимического эпитета в идиолекте М. Цветаевой.

1. Метафтонимический эпитет с наложением признаков концептосферы «человек» на основе визуального сходства: совмещаются слоты, относящиеся к «внутреннему человеку» («Душа», «Любовь», «Счастье», «Сердце») и относящиеся к «внешнему человеку» («Внешность», «Поведение») (689 употреблений).

Любовь простоволосая [Цветаева 1994, т.2: 26]; *Всю меня в простоволосой / Радости моей прими!* [Цветаева 1994, т.2: 129]; *Простите любви – она нищая! / Босая...* [Цветаева 1994, т.1: 505]; *Злостная грань / Дружбе гордой и голой* [Цветаева 1994, т.2: 270]; *Ломал ли в пьяном кулаке / Мои пронзительные пальцы* [Цветаева 1994, т.1: 328]; *О, ей знаком бессильно-нежный рот ...* [Цветаева 1994, т.1: 78].

Возникновение визуального образа подкрепляется логикой и зримостью соответствия сфер переноса атрибута по принципу «часть – целое». Помимо прямой интерпретации (*любовь простоволосая* – любовь простоволосого человека, синтаксическое смещение; *пронзительные пальцы* – пальцы, пронзающие кого-то, колкие, острые), возникает яркий поэтический образ: любовь доверчивая, простая, ничем не обусловленная, искренняя; пальцы как выражение укора, символ честности и т.д.

Наиболее часто поэт употребляет эпитеты внешней характеристики, содержащие компонент *-окий*. Акцентуация признака по линии взгляда – характерная черта идиолекта Марины Цветаевой, в котором концепт «глаза» занимает одно из лидирующих мест как по употребительности имени концепта, так и по атрибутивной сочетаемости.

Приведем некоторые примеры.

В широкоокою печаль – гляжу [Цветаева 1994, т.2: 52]; *Я вижу тебя черноокой, – разлука!* [Цветаева 1994, т.1: 557]; *Там, в памяти твоей голубоокой* [Цветаева 1994, т.1: 495].

В основном, безусловно, перед нами метафтонимическая замена концепта «Глаза» описательной атрибутивной конструкцией с перенесенным эпитетом: *широкие печальные глаза* превращаются в метафору – *широкоокая печаль*, качественный признак субстантивируется

в метафору, сохраняя при этом память о метонимической природе переноса, так как перед нами все те же печальные глаза и печальный человек.

Во втором примере все оказывается сложнее: метафорический образ выдвигается на первый план, поскольку теперь абстрактное понятие *разлука* наделяется человеческой чертой, у нее есть глаза как зеркало души, в которых проявляется ее суть. Черные глаза становятся символом разлуки, приобретая негативную коннотацию. Но здесь же можно предположить, что разлука ассоциируется у лирической героини с человеком, с которым она рассталась, и у него были черные глаза. В таком случае перед нами вновь метонимическая логика построения образа, что затемнено метафорой, но также присутствует в семантике данного контекста.

В третьем контексте еще более неоднозначная трактовка природы эпитета в составе атрибутивной конструкции. Приведем часть стихотворения.

*Когда-нибудь, прелестное созданье,
Я стану для тебя воспоминаньем.*

*Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным – так далеко-далёко.*

*Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папирасы,*

*И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню – на руке моей рабочей –*

*Серебряных перстней, – чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...*

*Как в страшный год, возвышены Бедюю,
Ты – маленькой была, я – молодою [Цветаева 1994, т 1: 495].*

Метафора *голубоокая память* напрямую говорит о персонификации: абстрактное понятие наделяется взглядом голубого цвета, что наверняка имеет положительную эмоциональную коннотацию. Скорее всего, метонимическая трактовка эпитета здесь более уместна, поскольку при использовании метафоры контейнера (вместилища) – *в памяти –* происходит моделирование все того же взгляда, с акцентуацией признака *голубые глаза, памятливые на...* ; голубой цвет ассоциируется с наивностью, детством, непорочностью. Оба прочтения – метафорическое и метонимическое – уместны, в зависимости от контекста.

Кроме визуализации образа, основной характерной чертой употребления атрибутивных конструкций простого типа в текстах М. Цветаевой следует признать явление блендинга признаков концептосферы «человек», при котором слоты относятся только к «внутреннему человеку» (1205 употреблений). Данная логика осмысления других людей и чувств к ним делает рассматриваемые эпитеты преимущественно метонимическими. С одной стороны, перед нами вновь логика переноса по принципу «часть – целое», с другой, возникающий образ-олицетворение, персонификация чувства. Совмещение метонимии на первом этапе конструирования образа и метафоры на втором этапе восприятия дает метафтонимический эпитет в чистом виде.

Бессонная моя душа, сторожская... [Цветаева 1994, т.1: 559]; *Душа, не знающая меры / Душа хлыста и изувера, / Тоскующая по плечу* [Цветаева 1994, т.2: 19]; *В предсмертном крике / Упирающихся страстей – / Дуновение Эвридики...* [Цветаева 1994, т.2: 175]; *Покамест день не встал / С его страстями **стравленными*** [Цветаева 1994, т.2: 159].

Рождающийся образ бессонной души (человека, мучающегося от бессонницы и готового постоянно любить, бессонно), тоскующей души (тоскующего человека) явно персонифицируется и обобщается. Страсти вступают между собой в межличностные отношения и, как и люди, могут оказаться *стравленными, упирающимися*.

Блендирование признаков ощущается как само собой разумеющееся, как то, что уже типично для языковой системы; оно является одним из распространенных способов создания образного выражения со стертой метафорической семантикой (понятие «печальный человек» выражается такими экспликаторами, как *печальные глаза, плечи, руки* и т.д.). Но блендирование выступает в качестве когнитивного механизма структурирования поэтического языка, поскольку объясняет возникновение не только индивидуально-авторских выражений, но и дает проекцию на словоупотребление признаков сочетаний в речи и языке вообще.

Именно поэтому как только происходит движение признака внутри данной концептосферы на слишком большое расстояние от смежного признака, как только они становятся далеки, возникает эффект яркого метафорического переноса, оксюморонного употребления, хотя в основе данного процесса лежит все то же соположение и пересечение признаков.

Метонимический и метафорический признак имеют различие в словоупотреблении и в восприятии высказываний, содержащих эпитетные конструкции.

Так, в таких выражениях, как *дерзкая кровь, сонная рука, смелый жест, гордая спина* и подобных перед нами налицо характеристика признака, внутренне присущего субъекту, этот признак, выраженный

метонимическим (в первую очередь) эпитетом, является заместителем субъекта и неотделим от него.

Дерзкая, – ох! – кровь [Цветаева 1994, т.1: 270] (характер человека – дерзкий); *Дугой согбен, все ж – гордая спина* [Цветаева 1994, т.1: 552]; *А рука-то занемеля, / А рука-то сонная...* [Цветаева 1994, т.3: 215] (рука сонного человека), *Вызов смелого жеста* [Цветаева 1994, т.1: 197] (жест человека, способного на смелые поступки).

Подобные словоупотребления являются самыми частотными как в нашем материале, так и в узусе, хотя и осмысляются как перенесенные по метонимической логике.

Что же касается обратной логики, то здесь ситуация сложнее, поскольку в таких выражениях, как *любимое плечо, извиняющийся взгляд* и т.д. на первый план выходит не признак, неотъемлемый и присущий его обладателю (лирическому герою или героине, но другому), но тот признак, который выражает отношение к его обладателю со стороны, как правило, лирической героини. В данном случае образность подобного рода выражений и эпитетов ощущается более явно, поскольку на первый план выходит метафорическое осмысление таких выражений.

Рвусь к любимому плечу [Цветаева 1994, т.1: 52] (*к любимому человеку, к плечу любимого*); *И над лепетом уст виновных...* [Цветаева 1994, т.2: 169]; *За их взгляд, изумленный на-смерть, / Извиняющийся в болезни...* [Цветаева 1994, т.2: 156].

Метонимическое прочтение подобных выражений не отменяется, поскольку сохраняется трактовка выражений как заместителей субъекта: *любимое плечо – плечо любимого человека – любимый человек*. Особенно показателен последний пример, в котором употреблены два перенесенных эпитета немного разного когнитивного формата: с одной стороны, *взгляд изумленный на-смерть*: акцентируется внимание на его собственном качестве, вызванном внешним раздражителем (*взгляд изумленного человека, изумленный человек*); с другой стороны, это *взгляд, извиняющийся в болезни*, подчеркивается его «относительное» качество, признак взгляда по отношению к другому субъекту (субъектам) (*взгляд извиняющегося человека, извиняющийся человек*), но данный факт не отменяет и то, что признак остается в рамках характеристики субъекта в целом, только с разных сторон: внутренней и внешней.

Сложное переплетение различных логик осмысления одного образа приводит к такому пониманию эпитета, которое ранее было растворено или затемнено в рамках стилистического подхода к природе образного определения. Данный подход акцентировал внимание на типе тропа – метафора, метонимия и т.д., который выявляется при чтении и интерпретации контекста на первый взгляд, и типология эпитетов строилась именно на этом формальном основании. С учетом изложенного, на примере контекстов только одного поэта, можно убедиться, что при

описании типов эпитетов продуктивнее исходить из поэтапного анализа их образной структуры, учитывая различные трактовки.

Зачастую раскручиваемые пропозиция и образ, лежащий в ее основе, «утяжеляют» метафору, многократно наслаивая смежные признаки.

Так, в стихотворении «На завитки ресниц» эпитет занимает центральное место в высказывании:

*На завитки ресниц
Невинных и наглых,
На золотой загар
И на крупный рот, –
На весь этот страстный,
Мальчишеский, краткий век
Загляделся один человек
Ночью, в трамвае [Цветаева 1994, т.1: 319].*

В терминах антропоцентризма осмысляется время (век), человек (ресницы, рот), причем с предельной детализацией последнего (не просто ресницы, а их завитки становятся объектами метафоризации).

При осмыслении абстрактных понятий в терминах антропоцентрических метафор следует обратить внимание на такой концепт авторского идиолексикона М. Цветаевой, как концепт «Сон». В данном случае речь идет о сложной метафорической логике при образовании эпитета.

*Вам мудрый сон сказал украдкой ... [Цветаева 1994, т.1: 48];
Обеими руками / В твой невыспавшийся сон [Цветаева 1994, т.2: 128].*

В первом контексте происходит наделение сна качеством человека – *мудрый сон*; но в то же время это и *сон мудрого человека* (метонимия); и может быть заменен такими адъективами, как «вещий», «говорящий» (узуальный эпитет).

Второй пример требует подробного контекста:

Здравствуй! Не стрела, не камень:

Я! – Живейшая из жен:

Жизнь. Обеими руками

В твой невыспавшийся сон [Цветаева 1994, т.2: 128].

Сон противопоставляется жизни, становится синонимом смерти, забытья, но это еще не смерть, это состояние пограничное, поэтому метафора уточняется, раскручивается и становится объемной и сложной. Сон оказывается способен спать или бодрствовать; возникает эпитет *невыспавшийся*, что делает его окказиональным в рамках данного словосочетания, трудного для интерпретации.

2. При подчеркнутой антиномичности поэзии и прозы М. Цветаевой выделяются такие когнитивные конструкции с эпитетом, где противопоставлены несколько признаков, которые, тем не менее,

относятся к одной концептосфере и смысловой области, и которые дополняют друг друга (426 употреблений).

Громадная, тоже конская, дикая и робкая роскошь глаз [Цветаева 1994, т.5: 232]; *Рот как кровь, а глаза зелены, / И улыбка измученно-злая...* [Цветаева 1994, т.1: 67]; *На завитки ресниц Невинных и наглых* [Цветаева 1994, т.1: 319]; *Нежней и бесповоротней Никто не глядел Вам вслед...Целую Вас – через сотни Разъединяющих лет* [Цветаева 1994, т.1: 252].

Ассоциативный ряд взаимоисключающих признаков позволяет объемно и полно представить необходимый автору образ, подчеркнув те детали и элементы образного ряда, которые он считает наиболее значимыми.

Не останавливаясь специально на конфигурациях сложного многословного эпитетного ряда, довольно употребительного в текстах М. Цветаевой, отметим лишь то, что само расположение атрибутивных конструкций в поэтическом языке (препозиционное или постпозиционное, окаймляющее или разрывающее высказывание) также имеет смысловое содержание и способствует созданию образа. Так, окружение слова несколькими эпитетами до или до и после определяемого слова способствует усилению экспрессивности высказывания, создает эффект многослойного образа:

Опаленные и палящие / Роковые рты, – / О, я с вами легко боролась! [Цветаева 1994, т.1: 235]; *Лживые, в душу идущие, речи / Очаровательных губ* [Цветаева 1994, т.1: 188].

Чаще всего такая антиномичность, свойственная характеру Марины Цветаевой в целом и в жизни, и в творчестве, находит свое выражение в изображении чувств, любви, отношений. В первом случае вновь перед нами двойная образная логика: страдательное причастие выводит на первый план метафору (*опаленный рот* – «страстный»), а действительное причастие – метонимию (*палящий рот* – «страстный человек»). Во втором контексте играет роль «удаленность» образа в когнитивном смысле: более «близкой» метафорой, а точнее, метонимией, делающей «один когнитивный шаг», является выражение *очаровательные губы*, трактуемое как «губы любимого человека, очаровательного человека»; следующий шаг в построении образа находим в метафоре *лживые речи*, где перед нами вновь метонимия: «речи лживого человека». Сталкиваясь, эти образы создают противоречивую метафору: лживые речи не ощущаются таковыми, так как они произносятся любимым человеком.

Противопоставление может быть выражено атрибутивными сочетаниями с разной степенью образности и в рамках сфер, косвенно относящихся к концептосфере человека.

... *мое несправедливое, но жаждущее справедливости сердце...* [Цветаева 1994, т.4: 20–21]; *Мой хладнокровный, мой неистовый / Вольноотпущенник – прости!* [Цветаева 1994, т.1: 254].

Могут использоваться три эпитета: два с противоположным значением, третий – с результирующим:

Это будет Ваша вторая жизнь, первая жизнь, единственная жизнь [Цветаева 1994, т.6: 234].

Употребляются эпитеты-прономинативы, семантика которых предельно широкая:

В свой край, в свой век, в свой час / В наш – час, в нашу – страну! / Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час, / Наш грех, наш крест, наш спор, наш – гнев [Цветаева 1994, т.2: 299–300].

М. Цветаева использует и перекрестные, кольцевые по семантике эпитеты:

Самое любимое из страшных, самое по-родному страшное и по-страшному родное были – «Бесы» [Цветаева 1994, т.5: 78].

Также антонимия может быть выражена антонимическими эпитетами с возвратным эффектом, отменяющим противопоставление:

Маленькое, огромное, совсем черное, совсем невидное – море [Цветаева 1994, т.4: 54].

Во всех вышеупомянутых контекстах необходимо отметить одну важную особенность: выбор того или иного эпитета, его смысловая наполненность и расшифровка (что подразумевается под эпитетами *наш* и *ваш*, *совсем невидное* - для кого не видная и почему и т.д.), когнитивная интерпретация обусловлены конкретным контекстом и также связаны с концептуальным полем человека, поскольку вкладываемый смысл очень ситуативен.

Являясь метафоризирующим компонентом, эпитет, как правило, неожиданно, но функционально мотивирован и не заменим; эстетический эффект рождает тонкая грань ассоциативной связи между сопоставляемыми объектами в восприятии автора. Необычность описания реалий позволяет создавать ёмкий образ и в то же время отражает возможность вариативной интерпретации бинарных метафор, основанной на неоднородности лексических значений имён прилагательных и оригинальности их сочетания.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. При изучении перенесенного эпитета важно учитывать его когнитивные характеристики, а именно то, какие сферы вовлечены в процесс метафоризации, как происходит процесс наделения перенесенным признаком. Как показал поэтический материал М. Цветаевой, в котором наиболее репрезентативно представлен метафтонимический эпитет, метафора и метонимия являются двумя стадиями одного процесса наделения эпитета образными семами: метонимия структурирует признаки по типу части и целого, а метафора

создает эффект персонификации абстракций или явлений концептосферы человека. Антропоморфичная картина мира поэта раскрывается через небольшой фрагмент его идиолекта – употребление перенесенных атрибутивных сочетаний.

Библиографический список

Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 23 с.

Голубина К.В. Когнитивные основания эпитета в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1998. 25 с.

Губанов С.А. К вопросу о морфологической типологии эпитетов в лирике М. Цветаевой (семантический аспект) // Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. С. 84–90.

Губанов С.А. Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 24 с.

Губанов С.А. Сложный эпитет в идиолекте М. Цветаевой: лингвистика смысла // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 5–8.

Губанов С.А. Блочный эпитет в творчестве М. Цветаевой // Вестник Томского государственного университета. 2014а. № 388. С. 6–9.

Кубаева Ф.Р. О семантических типах перенесенного эпитета // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. №3. С. 76–80.

Куксина А.Е. Структурно-семантические типы сложных эпитетов в языковой картине мира писателя (на материале художественной прозы Ю. Нагибина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.

Маниева Н.С. Прилагательные-эпитеты в поэтическом дискурсе второй половины XX века: лингвистический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. 23 с.

Фадеева Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2014. 458 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.

Черных Н.В. Семантическая емкость слова (на материале творчества М. Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов-на-Дону, 2003. 297 с.

Четверикова Т.Д. Специфика шолоховского эпитета (на материале романа «Тихий Дон»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.